Н. ПОЛТОРАЦКИЙ

П. Б. СТРУВЕ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

- ЗАРЯ -

КНИГИ И БРОШЮРЫ Н. П. ПОЛТОРАЦКОГО

Политическая жизнь С. Ш. А. *Регенсбург, 1947.

Бердяев и Россия (Философия истории России у Н. А. Бердяева). Нью-Йорк, 1967.

И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. Лондон (Канада), 1975.

Монархия и республика в восприятии И. А. Ильина. Нью-Йорк, 1979.

П. Б. Струве как политический мыслитель. Лондон (Канада), 1981.

КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. П. ПОЛТОРАЦКОГО

*Вторая мировая война (1939-1945).** Сборник переводных материалов. Регенсбург, 1946.

На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Под почетной редакцией проф. П. А. Сорокина. Под редакцией проф. Н. П. Полторацкого. Нью-Йорк, 1965.

Русская литература в эмиграции. Сборник статей. Питтсбург, 1972.

И. А. Ильин. *Русские писатели, литература и художество.* Сборник статей, речей и лекций. Вашингтон, 1973.

Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей. Питтсбург, 1975.

И. А. Ильин. *О монархии и республике.* Нью-Йорк, 1979.

---

*Под псевдонимом Н. Петровский.

Н. ПОЛТОРАЦКИЙ

П.Б.СТРУВЕ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

- ЗАРЯ -

P. B. STRUVE
AS A POLITICAL THINKER

By N. Poltoratzky

ISBN 0-920100-27-9

ZARIA

Publishers and Distributors
73 Biscay Road
London, Ontario,
Canada, N6H 3K8

ОГЛАВЛЕНИЕ

АКАДЕМИК П. Б. СТРУВЕ В 1932 г.

С фотографии из архива проф. Г. П. Струве

ВСТУПЛЕНИЕ. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Человеческая память неблагодарна. Вместо того чтобы постоянно иметь перед собой духовный облик и мысли тех, кто может быть для нас примером, мы вспоминаем о них обычно лишь в редкие годовщины.

Таким человеком, заслуживающим всегдашнего внимания и памяти, был один из крупнейших русских политических мыслителей — Петр Бернгардович Струве. Поучительны даже ошибки и заблуждения его юности и молодости; в зрелые же его годы он может по праву служить для многих идейным вдохновителем и учителем.

* * *

Отметим некоторые основные факты жизненного и творческого пути П. Б. Струве.

Струве родился 26 января (7 февраля) 1870 г. в гор. Перми. В детстве жил несколько лет с семьей в Штуттгарте, в Германии. В 1889 г. кончил 3-ью С.-Петербургскую гимназию и поступил на естественно-историческое отделение С.-Петербургского университета, но вскоре перешел на юридический факультет. Университетский диплом получил экстерном в 1893 году. Первую свою статью опубликовал в 1890 г., первую книгу — ”Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России” — в 1894 году. Все эти годы много путешествовал и жил за границей. В 1897 г. редактировал журнал ”Новое слово”, в 1899 г. — журнал

”Начало”; в 1902-1905 гг. — журнал ”Освобождение” (Штуттгарт, затем Париж).

В октябре 1905 г. Струве вернулся из эмиграции в С.-Петербург, где редактировал журнал ”Полярная звезда”, а затем, совместно с С. Л. Франком, журнал ”Свобода и культура”. С января 1907 г., в течение 12 лет, редактировал ежемесячный ”толстый” журнал ”Русская мысль” — сперва вместе с А. А. Кизеветтером, а с августа 1910 года — единолично. Стал членом Ц. К. конституционно-демократической (кадетской) партии, был избран во 2-ую Государственную Думу. В декабре 1906 г. был назначен доцентом политической экономии Политехнического института Петра Великого в С.-Петербурге, где впоследствии стал профессором. Принял участие в сборниках ”Проблемы идеализма” (1902 г.) и ”Вехи” (1909 г.). Участвовал также в собраниях Религиозно-философского общества. После первого сборника своих статей, ”На разные темы” (1902 г.), издал второй — “Patriotica” (1911 г.). В 1913 г. появился первый том исследования Струве ”Хозяйство и цена”, за который он получил степень магистра в Московском университете; в 1914 г. — его труд ”Крепостное право”.

В начале Великой войны Струве был приглашен в Особое совещание по продовольствию, а когда был создан Междуведомственный комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля, был назначен председателем этого комитета. В 1916 г. посетил Англию, где Кембриджским университетом ему была присуждена почетная степень доктора прав. В 1917 г. защитил докторскую диссертацию и опубликовал первую часть второго тома своего исследования ”Хозяйство и цена”. Был избран членом Академии Наук. В Министерстве Иностранных дел Временного правительства руководил, при Милюкове, Экономическим департаментом. Борьбу с революцией вел через созданную им самим ”Лигу русской культуры” и в журнале ”Русская

свобода". Принял участие в Московском совещании и был избран в Предпарламент. Отправился на Дон и вошел в первый Совет Добровольческой армии. В 1918 г. вернулся в Москву, где жил, полускрываясь, и подготовил и сдал в печать сборник "Из глубины". В декабре нелегально перешел в Финляндию. В 1919 г. участвовал в совещании российских дипломатических представителей в Париже; осенью прибыл в Ростов на Дону; стал главным редактором газеты "Великая Россия". В 1920 г. возглавил Управление Иностранных дел в правительстве ген. Врангеля и, в результате новой поездки в Западную Европу, добился признания этого правительства со стороны Франции, — что имело очень большое значение и тогда, и позже, при эвакуации десятков тысяч людей из Крыма.

Оказавшись снова в эмиграции, Струве возобновил в Софии издание "Русской мысли"; активно участвовал в политической жизни Зарубежья; преподавал на Русском Юридическом факультете в Праге (1922-1925 гг.). Возглавил подготовку Российского Зарубежного съезда в Париже (1926 г.). Редактировал газеты "Возрождение" (1925-1927 гг.) и "Россия" (1927 г.), создал газету "Россия и Славянство" (1928-1934 гг.) и отчасти руководил ею на расстоянии. В 1928 г. Струве переехал в Белград, где читал лекции и доклады в Русском Научном институте. Его вступительная лекция в Белградском университете в 1934 г. была сорвана коммунистами и младороссами, но он смог преподавать по-сербски в Субботице. В эти белградские годы совершил ряд поездок в Париж, Прагу, Берлин, Софию, Варшаву, Лондон — с целью политических и научных выступлений или исследовательской работы. В 1939 г. получил почетную докторскую степень от Софийского университета.

В 1941 г., после оккупации Югославии немцами, Струве был арестован Гестапо и отправлен в тюрьму в

Грац, но вскоре освобожден. В следующем году он смог переехать в Париж, где жили два его сына и где он продолжал свою научную работу до последних дней жизни, прервавшейся 26 февраля 1944 года.

Начатая еще до Второй мировой войны и оставшаяся незаконченной книга Струве ''Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности'' была — с приложением ряда статей на темы русской истории и неполной библиографии трудов Струве — издана в Париже его сыновьями через восемь лет после смерти Струве, в 1952 году. Она дает яркое представление о многосторонности умственных интересов, глубине научных познаний и оригинальности творческой мысли П. Б. Струве.

Эти основные факты биографии Струве приобретают дополнительный смысл в свете его идейно-политической эволюции.[1]

---

[1] Примечания даются в конце брошюры, по главам.

I. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

П. Б. Струве сочетал в себе две линии: академическую и политическую. Первую он воспринял от своего деда, вторую от отца. Дед П. Б. Струве был ученым астрономом, создателем Пулковской обсерватории и русской школы астрономов. Отец Струве был ближайшим сотрудником Муравьева-Амурского по освоению Восточной Сибири и уже в тридцатилетнем возрасте занимал губернаторскую должность.

Идейно-политически Струве начал жить очень рано. Еще в детские годы — 11-12-ти лет — он пережил свою первую идеологическую любовь: *славянофильство.* Вскоре после этого — в 15-летнем возрасте — Струве пережил свою вторую идеологическую любовь: *либерализм.*

В аксаковском славянофильстве его прельстила борьба за права человека и гражданина и за национальное начало; в либерализме — борьба за неотъемлемые права личности, за общую европеизацию России.

Важно отметить, что эти две любви (с общим мотивом — права человека и гражданина) Струве пережил раньше, чем — уже в 18-19-летнем возрасте — началось его новое увлечение — *социализмом*, а несколько позже и *марксизмом.*

В марксизме Струве видел прежде всего экономическую сторону, и его увлечение марксизмом, хотя и продолжавшееся около десяти лет, было все же чисто рассудочным, не захватившим, в отличие от либерализма, всего существа Струве. Как правильно писал о себе

впоследствии сам Струве, он всегда был еретиком в марксизме[1].

Сразу же после появления известной книги Струве, призывавшей идти на выучку к капитализму и написанной тогда, когда Струве не было еще 25 лет[2], определились два непримиримых направления русского марксизма: "легальный марксизм" самого Струве и "ортодоксальный марксизм" Ленина и его единомышленников[3]. И хотя автором "Манифеста социал-демократической рабочей партии" (1898 г.), объединившего формально оба эти направления, был Струве, он не вложил в "Манифест" своих личных воззрений. Разногласия с Лениным и его единомышленниками все углублялись и в 1901 году закончились полным разрывом.

Н. Крупская писала впоследствии в своих воспоминаниях, что Струве переходил в это время из стана социал-демократии в стан либералов. На самом деле, однако, личные отношения с либералами и юношеская любовь к либерализму, предшествовавшая увлечению марксизмом, оставались у Струве и тогда, когда он пребывал в лагере социал-демократии. Так, например, в 1895 году Струве выступил с известным "Открытым письмом к Николаю II", явившимся ответом на слова нового государя о "бессмысленных мечтаниях" части русского общества, ждавшей реформ, и выражавшим конституционные стремления земских либеральных кругов. Теперь же Струве стал издавать за границей журнал "Освобождение", определенно опиравшийся на конституционные земские круги.

Как признает и друг Струве проф. Даватц, "Освобождение" сыграло большую роль в подготовке первой русской революции 1905 года, и на его столбцах можно встретить немало резких статей его редактора. Не умаляя его исторической ответственности, отметим лишь, что как публицист и редактор Струве этого периода выражал иногда не столько свои личные мнения,

сколько мысли и настроения групповые. Впоследствии он сам писал, что, когда был руководителем сперва марксистского "Нового слова", а затем революционно-конституционного "Освобождения", он "шел в ногу с другими, в своей деятельности осуществлял некое коллективное действие, был — да позволено будет употребить народническое выражение — в известной мере 'артельным человеком' " [4].

Сразу же после царского манифеста 17-го октября 1905 года Струве недвусмысленно и мужественно заявил всем, ждавшим от него "углубления" революции, что "*пути их расходятся и что русскую интеллигенцию ожидают совсем новые задачи*" [5]. И хотя попытки вернуть Струве в лоно радикальной русской интеллигенции со стороны этой интеллигенции продолжались и в дальнейшем, Струве категорически заявлял: "той роли, как бы ее ни характеризовать, которую я играл прежде и в русском марксизме и в освободительном движении, *я не могу и не хочу играть*" [6].

Уже ко времени разрыва с социал-демократами у Струве оформилось новое — идеалистическое — мировоззрение. Он стал первым марксистом-идеалистом, за которым вскоре (и, впоследствии, — на дальнейшем пути к религиозной философии) последовали С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие. Эти бывшие марксисты выступили тогда — в союзе с авторами, еще раньше отстаивавшими идеалистические воззрения, — на страницах сборника "Проблемы идеализма". В дальнейшем они составили ведущее ядро двух других знаменитых московских сборников, "Вехи" и "Из глубины". Эти три сборника имели очень большое значение в истории духовной, интеллектуальной и политической эволюции русской интеллигенции.

Наибольший успех выпал на долю "Вех" [7]. Они оказали влияние на широкие круги русской интеллигенции. Это влияние продолжается и теперь, о чем

свидетельствует в особенности сборник статей "Из-под глыб" (Москва/Париж, 1974).

Хотя замысел "Вех" принадлежал М. О. Гершензону — человеку, по существу не единомысленному с другими авторами сборника, — "Вехи", как пишет в своих воспоминаниях С. Л. Франк, "выразили духовно-общественную тенденцию, первым провозвестником которой был П. Б. [Струве]. Эта тенденция слагалась из сочетания двух основных мотивов: с одной стороны, утверждалась — против господствующего позитивизма и материализма — необходимость *религиозно-метафизических основ мировоззрения* — и в этом отношении 'Вехи' были прямым продолжением и углублением идейной линии 'Проблем идеализма'; и с другой стороны, в них содержалась резкая, принципиальная критика революционно-максималистских стремлений русской радикальной интеллигенции" [8].

Подзаголовок "Вех" — "Сборник статей о русской интеллигенции". Подзаголовок "Из глубины" — "Сборник статей о русской революции". Этот последний сборник был задуман, подготовлен и издан уже непосредственно самим Струве. В своем предисловии к сборнику, датированном июлем 1918 года, Струве указывал на прямую персональную и идейную связь нового сборника с "Вехами". "Бóльшая часть участников 'Вех', — писал Струве, — объединилась теперь для того, чтобы, в союзе с вновь привлеченными сотрудниками, высказаться об уже совершившемся крушении [о нависшей опасности которого предупреждали 'Вехи'. — Н. П.] — не поодиночке, а как совокупность лиц, несмотря на различия в настроениях и взглядах, переживающих *одну муку* и исповедующих *одну веру*. (. . .) всем авторам одинаково присуще и дорого убеждение, что *положительные* начала общественной жизни *укоренены* в глубине религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастие и преступление. Как такой

разрыв они ощущают то ни с чем не сравнимое морально-политическое крушение, которое постигло наш народ и наше государство" [9].

Таким образом, в своем предисловии Струве прямо связал не только сборник "Из глубины" со сборником "Вехи", но и революцию 1917 года с революцией 1905 года: уже тогда, в первой русской революции, на русскую культуру и русское государство надвигалась великая опасность, которая впоследствии, во второй русской революции и большевизме, привела к чудовищному крушению и государства, и культуры.

Дальнейшая жизнь и деятельность Струве были продолжением и углублением его борьбы против революции и большевизма — за возрождение русского государства и русской культуры.

Подведем итоги. Если оставить в стороне детское увлечение славянофильством и юношескую любовь к либерализму, довольно сложную идейно-политическую эволюцию взрослого Струве можно, несколько упрощая, разделить на два основных периода: предреволюционный (в том числе и революционно-конституционный времен "Освобождения") — до первой русской революции 1905 года, и после- и антиреволюционный — до самой смерти Струве в 1944 году.

Как политический мыслитель Струве окончательно нашел свой путь, следовательно, тогда, когда ему было 35-36 лет. С этого времени к элементам либерализма в политическом мировоззрении Струве прибавляются элементы консерватизма, приобретающие постепенно все бóльшую силу. Правда, последние сорок лет жизни Струве, в свою очередь, делятся, в результате захвата власти большевиками в октябре 1917 года, на два главных этапа: 1906-1917, когда в мировоззрении Струве преобладали элементы либерализма, имевшиеся у него и раньше, и 1917-1944, когда отличительной особенностью его умонастроения был преимущест-

венно консерватизм. Тем не менее, эти сорок лет его жизни мы можем все же рассматривать как один и тот же период.

Деление это, конечно, условно, — как условно и всякое иное дробление комплексного духовного и политического развития каждой человеческой личности, а личности такого масштаба, как Струве, тем более. Очень многие из тех мыслей, которые Струве развивал после революции 1905 года, созрели у него не в 1905 году и даже не на предшествовавшем ему "освобожденском" этапе его публицистической деятельности, а еще раньше, до "Освобождения". Да и самый этот этап, бывший своего рода переходным, был в то же время и некоторым отклонением в сторону в общей идейной эволюции Струве, прервавшим на время нормальное течение его политической мысли [10]. Но революция 1905-1907 гг. явилась все же окончательной гранью в духовном и политическом пути Струве[11].

II. ВРАГ РЕВОЛЮЦИИ И РЕАКЦИИ

Главный *отрицательный* пафос всего пореволюционного Струве (с 1905 года) — это *борьба против революции* в разных ее аспектах. На первом этапе (1905-1917) это борьба против революции в лице русской радикальной интеллигенции; на втором этапе (1917-1944) это борьба против социализма-коммунизма и советской власти. Таким образом, Струве боролся против революции в течение всей своей зрелой жизни.

В чем была способствовавшая торжеству большевизма вина русской революционной и лево-либеральной интеллигенции? Струве считал, что после введения конституции 17 октября 1905 года интеллигенция должна была прекратить борьбу за революцию и посвятить себя положительной культурной, общественной и государственной работе. "Когда я в конце октября [1905 года] в качестве амнистированного зарубежного журналиста попал в Петербург, — писал Струве о своих первых впечатлениях от наиболее радикального крыла отечественной интеллигенции, — ничто меня так не поразило, как полное непонимание совершившегося переворота революционерами. На манифест 17 октября они отвечали проповедью вооруженного восстания. Между тем революция объективно завершилась, и (...) ошибка революционеров заключалась в том, что они просмотрели этот факт"[1].

Столь же отчетливо определял Струве и ошибочность позиции русской либеральной интеллигенции, с которой он тоже постепенно все более терял поли-

тический и психологический контакт. Основную историческую ошибку или грех не только более умеренных кругов — партии народной свободы или кадетской партии, но и вообще большей части русского образованного класса Струве видел в том, что они не поняли самого главного: "после введения народного представительства и (хотя бы частичного) осуществления гражданских свобод опасность политической свободе и социальному миру угрожает уже не от исторической власти, а от тех элементов 'общественности', которые во имя более радикальных требований желают продолжать революционную борьбу с исторической властью. Это значило, что для русских либеральных элементов (. . .) опасность была уже не справа, а слева" [2].

Ошибочную, более того — вредную политическую позицию занимали, однако, не только крайне левые и либеральные группы русской интеллигенции. Во время Великой войны даже значительная часть государственно мыслящих элементов среди интеллигенции тоже не понимала того, что, "каковы бы ни были ошибки и прегрешения власти, все-таки враг слева, в затаившемся, но работавшем в значительной мере на средства и под диктовку внешнего врага, Германии, интернационалистическом социализме и инородческом ненавистничестве России" [3].

Сам Струве уже задолго до революции 1917 года считал левую опасность гораздо более реальной по существу, чем опасность правую. Позднее, в своих воспоминаниях, Струве отмечал: "В том, что пишущий эти строки не был слеп в отношении левой опасности, сказывался прежде всего его собственный революционный опыт: вряд ли кто из политических деятелей русского политического центра знал так хорошо наших левых и, в частности, социал-демократов обеих фракций, и так ясно видел те идеологические путы, в которых они были пленены, как я, бывший социал-демократ" [4].

* * *

Струве был, однако, двойным оппозиционером: он стоял в оппозиции не только к революции, но и к *реакции*, ибо считал, что и революция и реакция, хотя и каждая по своему и в разной степени, но обе одновременно угрожали самому существованию России. В общественно-политической плоскости Струве определял свой путь как путь центральный, пролегающий вне "того антагонизма, в котором к идее государства стоит, с одной стороны, вотчинно-холопское мировоззрение 'истинно-русских' людей, с другой — бунтарско-классовое мировоззрение разных 'эсов' " [5], т. е. прежде всего социал-демократов и социалистов-революционеров.

В редактировавшемся им после первой русской революции журнале "Русская мысль" и в других изданиях тех лет Струве неоднократно выступал и против правительства, но всегда со своих, особых позиций. В чем же, по мнению Струве, была вина исторической русской власти того времени и тех крайне правых элементов, под влиянием и под давлением которых, главным образом, и находилась эта власть?

Струве выступал против возможности рецидивов на верхах власти того "противогосударственного духа, для которого не власть посвящает себя 'служению' государству, а государство есть вотчина власти, отданная ей в 'услужение' " [6]. Таким образом, Струве выступал против власти *не во имя общественности*, как это бывало обычно в истории русской оппозиционной интеллигенции, *а во имя и ради государства.*

Самым крупным преступлением реакции — и правительственной, и общественной, самым разрушительным ее делом Струве считал то, что она своими противоконституционными действиями укрепляет революционные круги, "гальванизирует строй чувствований

и идей, которым пора уйти из русской жизни, тот дух рабьего противокультурного бунтарства, которым и интеллигенция и народ оказались отравленными" [7] в дни первой русской революции. Струве считал, что после введения конституции 17 октября 1905 года власть должна была "искренно и бесповоротно" встать "на почву тех конституционных принципов, которые она провозгласила" [8]. Этого власть не сделала ни вообще, ни в отношении тех умеренных элементов, на которые она могла бы опереться, в частности.

Грех исторической власти был в непонимании того, что "всякая борьба с умеренными элементами, которым она сама же, переворотом 3-го июня 1907 г., т. е. изменением избирательного закона в Государственную Думу вопреки Основным Законам, предоставила решающую роль в народном представительстве, есть нелепое поощрение революционных течений в стране" [9]. Власть не понимала, что все государственно мыслящие элементы в стране должны были восприниматься и третироваться как ее союзники — и прежде всего государственно мыслящие элементы той части русской интеллигенции, которая стремилась к примирению с властью.

Сам Струве все более искал положительного, творческого компромисса с правительством в лице его премьер-министра П. А. Столыпина, государственную роль которого Струве постепенно полностью оценил и признал. О фрондирующих же интеллигентских кругах писал: "Говорят, что во всем виновато правительство. Я не имею ни малейшей охоты и ни малейшего призвания защищать правительство. Но те, кто отрицают всякие компромиссы с правительством, тем самым теряют право обвинять его в чем-либо (...)" [10].

В итоге, вместо положительной совместной государственно-политической работы, власть и интеллигенция продолжали вести между собою более или менее открытую борьбу, и это лишь приближало момент

всероссийской катастрофы, каковой явилась революция 1917 года. Ответственность власти за эту катастрофу очень велика, но еще более велика ответственность русской радикальной и либеральной интеллигенции. "Власть была ослеплена, *но так же, и еще больше*, была ослеплена общественность, не видевшая огромной опасности в революционизме, который просачивался в народные массы, разлагал их духовно и подготовлял крушение государства" [11].

* * *

Русскую революцию 1917-го и последующих годов Струве почти сразу же признал "глубокой культурной, социальной и политической *реакцией*", "геологическим *переворотом*", "национальным *несчастьем*, внутреннеполитическим и внешнеполитическим *крушением*" [12]. Отношение же к русской революции считал частным случаем "отношения к *греху* и *мерзости* вообще" [13].

Призывая к любви и вере в живой и вдохновенный образ России, поруганный "безбожной и бесчеловечной, кощунственной и мерзкой революцией" [14], Струве, в то же время, видел и подчеркивал, что революция не есть нечто, лишь извне занесенное в Россию. Большевизм, по словам Струве, сказанным им еще в 1917 году, есть смесь русской сивухи с пойлом из Карла Маркса. И если ясны иностранные источники большевизма, не менее важно установить его русские источники. "Корни русской революции, — писал Струве впоследствии, — глубоко заложены в некоторых основных фактах и процессах русской истории", и прежде всего в исторической отсталости России [15].

Вот социологическое определение социалистической русской революции XX века: эта революция есть

"грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы в экономическом и социальном развитии России и ее народов" [16]. Или иначе: "*Большевицкий переворот и большевицкое владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России*" [17].

Социальная, экономическая и политическая европеизация — освобождение России, прерванная революцией 1917 года, была всегда одним из главных компонентов политической программы Струве. Другим ее элементом, вскоре после 1905 года, стала борьба за российское могущество.

III. ПАТРИОТ ВЕЛИКОЙ И СВОБОДНОЙ РОССИИ

В то время как главным отрицательным пафосом Струве после 1905 года была борьба против революции, его главным *положительным* пафосом стала борьба за свободную и великую Россию.

Свою положительную политическую программу Струве полнее всего изложил в статье "Великая Россия". Она появилась в журнале "Русская мысль" в январе 1908 года и сразу же вызвала большой шум и полемику в русской общественности. Обратили на нее внимание и за границей. Статья эта носит характерный подзаголовок: "Из размышлений о проблеме русского могущества", — и состоит из нескольких переплетающихся между собой частей, — идеологической, внешнеполитической, внутреннеполитической, военной и экономической, — осложненных элементами полемическими и педагогическими [1].

В представлении Струве, государственная мощь России немыслима вне хозяйственного расцвета страны: "созидать Великую Россию значит созидать государственное могущество на основе мощи хозяйственной" [2]. Для достижения же хозяйственной мощи необходимо все внимание сосредоточить на освоении бассейна Черного моря: "Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо" [3].

Едва ли можно сомневаться в том, что для того времени основная хозяйственная концепция ученого экономиста Струве была безусловно справедливой.

С тех пор, однако, общий экономический центр страны передвинулся, открыты новые экономические центры, и бассейн Черного моря не может уже почитаться единственным — или даже главным — экономическим базисом могущества России.

Несколько устарелыми представляются и тогдашние взгляды Струве на вопросы строительства флота, которым он в то время придавал большое значение. Струве был против усиления России на Тихом океане, считал, что незачем укреплять и балтийский флот, а нужно все силы бросить на развитие черноморского флота. Германо-советская война 1941-1945 гг. показала, что, говоря упрощенно, и балтийский, и черноморский флоты почти одинаково не только нужны, но и "ненужны": и тот, и другой были в первой же половине войны в значительной степени выведены из строя немецкой *авиацией*. Перед Советским Союзом, занявшим на время географическое место России, уже теперь во всем объеме встала океанская, в частности тихоокеанская, проблема, которая при данном соотношении сил и технических возможностей является прежде всего проблемой подводного флота и авиации. Важно, однако, отметить у Струве столь редкое в среде интеллигенции понимание роли и значения военно-морского флота.

Не будем также специально разбирать здесь те внешнеполитические планы, которые Струве тогда отстаивал. Ограничимся указанием, что Струве остался этим планам (англо-франко-русский союз) верен до конца своих дней.

Что касается "инородческих" вопросов, то Струве считал самыми важными из них еврейский и польский — и рассматривал их тоже в свете проблемы русского могущества. Он писал, что политическое решение еврейского вопроса требует упразднения так называемой черты оседлости и что окончательная эмансипация евреев предполагает, с одной стороны, "хозяйствен-

ное возрождение России, а с другой стороны, явится одним из орудий создания хозяйственной мощи страны" [4]. В отличие от еврейского вопроса, разрешение которого Струве прямо связывал с экономической стороной проблемы Великой России, польский вопрос был для Струве вопросом более всего политическим или международнополитическим, и его решение связывалось с вопросами русско-германских и русско-австрийских отношений. Струве оставался еще сторонником сохранения Царства Польского в составе Российской Империи. Но он и тогда считал, что "идея руссификации Польши в том смысле, в каком немцы германизируют (или, вернее, стремятся германизировать) свои польские области, совершенно несбыточная утопия. Денационализация русской Польши недоступна ни русскому народу, ни русскому государству" [5].

Сосредоточим, однако, наше внимание на том, что и тогда, когда Струве выдвинул свою программу Великой России, и в будущем, когда будет ликвидирован большевизм-коммунизм и все уродства связанного с ним бесчеловечного тоталитаризма, стояло и будет стоять перед русским национальным сознанием. Ибо, как отмечал сам Струве, задача, которую он тогда выдвинул, далеко выходила за рамки "текущего момента", и речь, в конечном счете, шла не о тех или иных тактических рецептах, а об идеях, "*о целой системе культурного мировоззрения, которая должна быть положена в основу духовного перевоспитания нации*" [6].

* * *

Одним из главных моментов того идейного и духовного перевоспитания, к которому Струве призывал русских людей, было *воспитание в духе государственности и национализма.*

Знаменательно уже самое возникновение статьи Струве "Великая Россия": она была написана в связи с — тоже нашумевшими — словами П. А. Столыпина, обращенными к радикальной части русской интеллигенции, в лице ее представителей в Государственной Думе: "Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия".

Усваивая себе эту формулу — "Великая Россия", — Струве писал, что для него она звучит "не как призыв к старому, а, наоборот, как лозунг новой русской государственности, опирающейся на 'историческое прошлое' нашей страны и на живые 'культурные традиции', и в то же время творческой и, как все творческое, в лучшем смысле революционной" [7].

Для Струве речь шла, таким образом, о революционности "во имя государства и в его духе" [8]. Будучи уже тогда государственником, Струве так формулировал "верховный закон" государственного бытия: "всякое здоровое и сильное, т. е. не только юридически 'самодержавное' или 'суверенное', но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным значит обладать непременно 'внешней' мощью" [9].

Из этой — абсолютно неприемлемой для старого интеллигентского сознания — формулы для Струве следовало, что и банальный радикализм и банальное реакционерство одинаково ошибаются, когда вопрос о внешней мощи государства подчиняют той или иной форме внутреннего благополучия. Именно во внешней мощи и заключается "безошибочное мерило для оценки всех жизненных отправлений и сил государства, и в том числе и его 'внутренней политики' " [10]. Иными словами, не внутренняя политика должна определять

внешнюю, а наоборот: внешняя политика должна определять внутреннюю.

Для торжества идеала Великой России в то время, когда писалась эта статья Струве, необходимо было прежде всего преодолеть безгосударственный и антигосударственный дух, сказывавшийся в непонимании того, что "государство есть 'организм', который во имя *культуры* подчиняет народную жизнь началу *дисциплины*, основному условию государственной мощи" [11]. Во всех областях национальной жизни "противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и с нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда" [12], Струве считал необходимым противопоставить новое политическое и культурное сознание. "Железный инвентарь" этого нового политического и культурного сознания русского человека должны образовать "Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда — вместе с идеей *права* и *прав*" [13].

А вот и бескомпромиссное выражение того нового государственного сознания, носителем которого стал в первую очередь сам Струве: "Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. *Остальное — 'блуждающие огни'* " [14]. Господство этого духа государственности в образованном классе и являлось, в глазах Струве, непременным условием построения "*мощного* и *свободного* государства" [15]. Струве и стал идейным знаменосцем мощной и свободной России.

* * *

Не менее существенен для понимания политической философии Струве также вопрос о взаимоотношении государства и нации. Тут Струве, называвший себя

русским националистом, еще в начале XX века вплотную подошел к понятию государства-нации. "Государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи, — писал Струве. — Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. *Государство и нация должны органически срастись*" [16]. А немного далее в той же своей статье "Великая Россия" Струве пояснял, что государство и национальная идея — это "две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе" [17]. В другой статье того же периода Струве указывал, что "Своей высшей мистичности государственное начало достигает именно тогда, когда сплетается и срастается с национальным. Спаянные в нечто единое, эти начала с страстной силой захватывают человека в порывах патриотизма" [18].

В патриоте Великой России Петре Бернгардовиче Струве идеи нации и государства были спаяны воедино, захватывая его поистине со страстной силой. В очень характерной для тогдашнего психологического и идейного размежевания в среде русской интеллигенции полемике с Д. С. Мережковским по поводу программы Великой России, Струве назвал публичное отречение Мережковского от родины "воплем политического и культурного бессилия" [19]. Этому левоинтеллигентскому бессилию Струве противопоставил свою собственную веру — "строгие и мужественные" [20] слова Тургенева, сказавшего устами Лежнева: "Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто, действительно, без нее обходится. Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет. Без физиономии нет даже идеального лица; только

пошлое лицо возможно без физиономии". А в полемике с выразителем умонастроения радикальных кругов русской интеллигенции Пешехоновым по вопросу о задачах интеллигенции Струве так определял свое основное расхождение с этим влиятельным в то время публицистом: "Я полагаю, что интеллигенция должна перевоспитаться и в своем перевоспитании раствориться в нации. Г. Пешехонов же полагает, что интеллигенция должна воспитать нацию по своему образу и подобию"[21].

Возвращаясь к статье "Великая Россия" отметим, что в заключении к ней Струве еще раз призывал понять истинное существо государства, смело "заглянуть ему в лицо, которое, как лик Петра Великого, по слову величайшего русского поэта, 'прекрасно' и 'ужасно' "[22]. Ибо только в том случае, если русский народ проникнется духом истинной государственности, сочетающей мощь со свободой, и если он будет отстаивать эту государственность "в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, — только тогда, на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана — Великая Россия"[23].

Программа Великой России выдвигалась, таким образом, как программа российского будущего. Струве призывал русских людей осуществлять ее на основах национальной идеи, государственной мощи, дисциплины труда и культуры, свободы и прав человека и гражданина.

* * *

Почти двадцать лет спустя, уже в эмиграции, Струве, будучи редактором газеты "Возрождение", вновь сформулировал свою положительную политическую

программу — в ряде статей под общим заглавием "Дневник политика". В этом отношении особенно существенна, в частности, статья "Наши идеи" [24].

Струве подчеркивал свою сознательную и убежденную обращенность не к эмиграции, а к "Внутренней России". Отрицая всякие партийно-политические программы, он выдвигал "некоторые основные и несдвигаемые линии нашего политического мышления и поведения". Эти несдвигаемые линии были направлены не в невозвратное прошлое, а в чаемое будущее. Струве писал: "Отвергая ложные идеи и злой дух революции, в своих разрушениях себя пережившей и изжившей, мы учитываем великие сдвиги и крупные изменения, происшедшие в народной жизни". Отсюда Струве заключал, что "России нужно возрождение, а не реставрация. Возрождение всеобъемлющее, проникнутое идеями нации и отечества, свободы и собственности и в то же время свободное от духа и духов корысти и мести. Поэтому мы стоим непреклонно за установление собственности и предостерегаем от увлечения несбыточными мечтами о восстановлении или реставрации собственностей".

Вновь отвергая всякие партийно-политические рецепты и сосредоточивая все свое внимание на общих идеях, Струве продолжал: "Сейчас бесплодно вырисовывать те государственные пути, по которым пойдет возрожденная Россия, и тем более нелепо диктовать те формы, в которые выльется ее политическая жизнь. Вот почему у нас нет политических рецептов, а есть ясная и твердая мысль — России нужны: прочно огражденная *свобода лица* и сильная *правительствующая* власть".

Выдвигая целый ряд твердых мыслей и политических начал, Струве подчеркивал в то же время их религиозную укорененность. У нас, писал Струве, есть "ясное сознание и твердое убеждение, что духовная

крепость и свобода лица, мощь и величие государства в своих глубинах, основах и истоках восходят к непреложным религиозным началам. Отрываясь от этих начал, личность духовно никнет и мельчает, корни ее свободного бытия иссыхают. И государство, которое отнюдь не представляет просто технического приспособления, а есть некий таинственный сосуд национальной, духовной и жизненной энергии, испытывает ту же судьбу, когда отрывается от религиозных начал". Это приводит Струве к такому заключению: "Вот почему для нас *Великая Россия* и *Святая Русь* не два различных естества, а лишь два различных лица единой и живой в своем единстве духовной сущности" [25].

Итак: возрождение России на идеях нации и отечества, частной собственности, духовной крепости и свободы лица, мощи и величия государства. Бросается в глаза, насколько основные мысли этой зарубежной идейно-политической декларации Струве соответствуют мыслям, высказывавшимся им уже за двадцать лет перед тем, в частности в статье "Великая Россия". Основные линии политического мышления и поведения Струве после первой русской революции 1905 года действительно могут быть названы несгибаемыми.

Правда, в своей статье 1926 года Струве идею Великой России усложнил, как было только что отмечено, сближением и в известной мере даже сращением ее с идеей Святой Руси. Но соответствующие мысли, хотя и без упоминания самой формулы "Святая Русь", Струве высказывал и раньше, когда выдвигал идею Великой России. В своих цитированных нами "Отрывках о государстве", написанных для той же, задуманной Струве, "целой книги размышлений о государстве и революции" [26], что и статья "Великая Россия", Струве писал об иррациональности государства, о том, что государственность носит мистический или религиозный характер.

А в опубликованной уже в эмиграции статье о Блоке и Гумилеве, в которой Струве подчеркнул тождество своей веры с предсмертной верой Блока в исцеление русского народа от большевизма, Струве указывал и на свою "твердую, никакими неудачами и страданиями, никакими поражениями и муками не могущую быть поколебленной, веру в *воскресение Святой Руси* с ее 'древними храмами' и 'убогонькими церковками' "[27].

Позднее Струве вновь вернулся к вопросу о взаимоотношении идеи Великой России и идеи Святой Руси. В статье о декабристах [28] Струве упомянул об идее, которая, по его словам, "в настоящее время начинает существенно определять государственное мышление весьма различных русских направлений" [29], в частности и того направления, выразителем которого был сам Струве. Эта идея — "идея империи, та идея, формулу которой впервые обрел первый русский эмигрант кн. Андрей *Курбский*, сочетавший ее с идеей Святой Руси и вычеканивший словосочетание *'Святорусская Империя'* "[30].

П. Б. Струве был, таким образом, патриотом не только Великой России, но и Святой Руси, патриотом Святорусской Империи.

IV. ЛЕОНТЬЕВЕЦ ИЛИ ЧИЧЕРИНЕЦ?

П. Б. Струве был ярко выраженным *государственником*. В этой связи — и с целью дальнейшего уточнения окончательной политической философии Струве — очень важно установить его отношение к двум другим знаменитым русским государственникам — предшественникам и современникам Струве — К. Н. Леонтьеву и Б. Н. Чичерину.

В своей юбилейной статье в журнале "Возрождение" Георгий Мейер, определяя политическое и идеологическое лицо возникшей за тридцать лет перед тем газеты "Возрождение", писал, что ее первый редактор П. Б. Струве "двигался навстречу Константину Леонтьеву, к идеологическому *слиянию* с ним", что "Идейная встреча-*слияние* Струве с Леонтьевым", в конце концов, в середине 20-х годов действительно произошла, и что одна из двух групп, образовавшихся вскоре в "Возрождении", "во главе с самим Струве (. . .) обосновалась на государственных, имперских, религиозно-отечественных идеях Константина Леонтьева" [1]. Таким образом, преобладающее суждение об идейном отношении Струве к Леонтьеву определяется термином "*слияние*".

Насколько правильно выражает этот термин действительное отношение Струве к К. Леонтьеву? Можно ли считать, что Струве на этом этапе его идейно-политической эволюции целиком — или хотя бы больше всего — именно "леонтьевец"? И нет ли в истории русского самосознания другого имени, идейное родство Струве с которым было бы значительно более полным, нежели его близость к Константину Леонтьеву?

В статье Струве о Леонтьеве, которую цитирует Георгий Мейер, [2] Струве писал, что Леонтьев — "самый острый ум, рожденный русской культурой в Х1Х веке". Он говорил о "неумирающих" историко-политических и религиозных идеях Леонтьева. Неумирающими идеями у Леонтьева Струве считал две: его идею *государства* и его идею *христианства.*

Струве пленяла леонтьевская философия государства, философия силы и неравенства. "Никто в русской литературе до Леонтьева, — писал Струве, — не высказал этих мыслей о государстве и неравенстве. Никто после него не говорил этого так сильно и так остро" [3].

Другую заслугу Леонтьева Струве видел в том, что Леонтьев "глубже всех русских светских писателей пережил и выразил христианство в его церковно-православном существе", которое заключается в том, что христианство вообще и церковное в особенности есть *"учение и путь личного спасения"*.

Именно в этих двух вопросах — понимания природы государства и природы христианства — Леонтьев, по мнению Струве, является "настоящим учителем и для нашего времени". (Однако, добавлял Струве, Леонтьев не может быть учителем "в отношении конкретной политики и развертывающейся на наших глазах живой истории".)

Этим, по существу, если и не исчерпывается, то ограничивается идейная близость Струве к Леонтьеву. Поэтому говорить, как это делает Георгий Мейер, об идейном *слиянии* Струве с Леонтьевым нет достаточных оснований. Помимо того важного, что их идейно сближало, было очень много и такого, что их разделяло, — в частности, крайний эстетизм Леонтьева и та его особенность, которую Струве называл "ошибкой 'короткого замыкания' ", когда между религиозно-философским основанием и политическим выводом не оказывается необходимого расстояния [4].

* * *

Статья о Леонтьеве появилась в середине 1926 года. А уже в начале 1929 года Струве выступил в "России и Славянстве" с очень важной статьей-речью о Б. Н. Чичерине [5]. За это время в политическом, да и общем, мировоззрении Струве не могло произойти — и не произошло — никаких, хотя бы сколько-нибудь заметных, изменений. Поэтому видеть в статьях о Леонтьеве и Чичерине два различных этапа в духовной и политической эволюции Струве у нас не было бы решительно никаких оснований. Это две статьи одного и того же периода. Но статья о Чичерине для понимания политического мировоззрения Струве имеет, на наш взгляд, еще большее — намного большее — значение, чем его статья о Леонтьеве.

Особый интерес Струве к Чичерину подчеркивается тем фактом, что Струве специально писал о Чичерине несколько раз. Свою первую статью — полемическую — Струве напечатал тогда, когда он был еще "легальным марксистом", в 1897 году [6]. Впоследствии, вспоминая об этой статье, Струве писал в "России и Славянстве", что он был "Последним представителем русской 'радикальной' публицистики, скрестившим шпаги" с Чичериным. Именно в этой полемической статье 1897 года Струве назвал Чичерина "красивой и очень 'умной ненужностью' " [7]. Но уже в 1904 году, в некрологе Чичерина, который Струве напечатал в "Освобождении", отразилось определенное *сочувствие* Струве к идеям и деятельности Чичерина. Говоря от имени "последовательно убежденных демократов", Струве отвергал "недемократический либерализм Чичерина", но признавался, что "несмотря на это коренное разногласие, мы высоко ценим его литературную и политическую деятельность и вменяем ему в огромную заслугу перед Россией блестящее политическое завещание

потомству — изданную в Берлине (за подписью 'Русский патриот') книгу 'Россия накануне XX-го столетия' "[8].

Это сочувствие и даже сомыслие с Чичериным со временем еще более возросло, и в 1929 году Струве смог написать о себе, что в своей идейно-политической эволюции он, "полемизировавший с Чичериным 'марксист' (никогда, правда, не бывший правоверным, а наоборот всегда являвшийся еретиком в марксизме), пришел в своих собственных путях *к общественно-политическому мировоззрению, близкому ко взглядам покойного московского ученого*" [9]. В статье-речи 1929 года эта идейная близость Струве к Чичерину получила наиболее полное выражение.

Струве пленяла, прежде всего, "суровая логичность" и "нравственная несгибаемость" Чичерина [10].

Струве полностью, — а не просто в своем качестве бывшего марксиста, — разделял антинародничество Чичерина. Он ставил в заслугу Чичерину, в частности, то, что именно Чичериным-ученым был раньше всего разрушен миф об исконности русского общинного землепользования и землевладения [11].

Говоря об историческом развитии России, Струве, подобно Чичерину, мог бы сказать, что "Отличительная черта русской истории (. . .) состоит в преобладании начала власти", что именно власть "стояла во главе развития", и что "величайший человек русской земли, — Петр Великий, сосредоточивает в себе весь смысл нашей протекшей истории" [12].

Свою книгу "Россия накануне XX-го столетия" Чичерин издал за подписью "Русский патриот". С неменьшим правом мог бы так же подписаться под своими произведениями и Струве. Не случайно сборник его статей 1905-1910 гг., главным мотивом которого является охватившая Струве патриотическая тревога

за судьбы России, назван (хотя и латинскими буквами) "Патриотика".

Будучи государственником, а не народником, Струве при этом особенно ценил в Чичерине то, что Чичерин, — вопреки ошибочному полемическому утверждению Ивана Аксакова, — вовсе не был ослепленным глашатаем мертвого государственного организма, а что, напротив, идеи *порядка* и *свободы* имели для Чичерина "*одинаковое обаяние*" [13].

Тут мы подходим к той общей и главной формуле, которой объединяется политическое мировоззрение и Чичерина, и Струве. Чичерин был либерал. Но он был далек от обычного типа русских либералов. "Либерализму оппозиционному" (и "либерализму уличному") Чичерин противопоставлял свой "охранительный либерализм", — означающий то же самое, что и консервативный либерализм. Чичерин сам писал не только об "охранительном либерализме", но и о "разумном и либеральном консерватизме".

Эта концепция *либерального консерватизма*, более полному раскрытию которой будет посвящена следующая глава, и делала Чичерина столь идейно-политически близким Петру Бернгардовичу Струве. И если Струве сказал о Леонтьеве, что Леонтьев был самым острым умом, рожденным русской культурой X1X века, то о Чичерине Струве писал, что в своем духовно-общественном делании Чичерин являл собой вообще "*самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России*" [14].

Что же касается Чичерина-ученого, то тут Струве завершил свою исключительно высокую оценку Чичерина тем, что в качестве эпиграфа к своей статье-речи взял слова Владимира Соловьева: "Б. Н. Чичерин представляется мне самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а может быть, и европейских ученых настоящего времени".

* * *

Было бы большой ошибкой полагать, что те идейные положения, которые сближали Струве с Леонтьевым и с Чичериным, впервые возникли у Струве, под влиянием Леонтьева и Чичерина, лишь в 20-х годах, в эмиграции. На самом деле, как это с несомненностью явствует из ряда уже приводившихся нами высказываний Струве, он всегда и раньше, а после революции 1905 года в особенности, любил начала порядка и государственности — равно, как и свободы.

Полемизируя в 1900-х годах с Д. С. Мережковским, занимавшим тогда иную позицию, нежели позднее, в эмиграции, Струве подчеркивал, что именно русская революция 1905 года была тем главным событием, которое способствовало окончательному оформлению политических идей, возникших у Струве еще ранее, и которое научило его ''живо ощущать и понимать, что такое *государство*, и задуматься над отношением русской *интеллигенции* к государству и государственности'' [15].

Ничего принципиально нового не было поэтому у Струве и в его критике безгосударственности русской радикальной и либеральной интеллигенции — ни в те годы, ни в эмиграции. ''Переоценка традиционной идеологии русской интеллигенции является для меня лично, — писал Струве еще в 1907 году, — продолжением работы, начатой до основания Освобождения и лишь прерванной 'освобожденским' периодом моей литературной деятельности. *Нить эта для меня идейно никогда не была оборвана.* На материале политических событий последних лет и критические и положительные идеи лишь оформились и утвердились'' [16]. С еще большим правом Струве мог бы повторить эти слова, оказавшись в эмиграции уже после второй русской революции, 1917 года. На материале духовных,

политических, социальных и экономических событий 1917-го и последующих годов те критические и положительные идеи, которые возникли у Струве еще до 1905 года и, в особенности, сразу после этой даты, у Струве еще более оформились и утвердились.

Свои *мысли о государстве*, оставшиеся для Струве незыблемыми до конца его жизни, Струве четко сформулировал еще во второй половине 900-х годов. Струве задумал даже целую книгу "размышлений о государстве и революции" [17], написать которую полностью он, однако, так и не получил возможности. Часть книги была все же написана и опубликована в виде статей: "Отрывки о государстве" (1908 г.), "Великая Россия" (1908 г.) и "Интеллигенция и революция" (1909 г.). Отдельные мысли этой задуманной книги разбросаны, кроме того, в целом ряде других статей Струве тех лет.

Уже и тогда, как писал Струве в споре с Мережковским, "Проблема государства в окончательной своей постановке" соприкасалась для Струве "с проблемой не только культуры, но и религии" [18].

Таким образом, Струве стал ярко выраженным государственником, — и притом *религиозным государственником*, — не в 1926 или 1929 году, а в 1905-1910 годах, т. е. задолго до того как появились соответствующие его статьи о Леонтьеве и Чичерине. Поэтому на вопрос о том, кем был Струве: леонтьевцем или чичеринцем, мы должны ответить, что, строго говоря, он не был ни тем, ни другим. Он был, прежде всего и больше всего, самим собой. И "обосновался" он в эмиграции не на чужих, а на своих собственных идеях, высказанных им, в основном, задолго до революции 1917 года и эмиграции [19].

В плане же своих идейно-политических сближений, Струве в 20-х и 30-х годах был и "леонтьевцем", и

"чичеринцем". Но он был больше — несравненно больше — "чичеринцем", нежели "леонтьевцем".

Все трое — и сам Струве, и Леонтьев, и Чичерин — были государственниками. Но в то время, как с Леонтьевым Струве сближало еще и его понимание христианства (и православия, в частности), с Чичериным его сближало то, что в области политической идеи порядка и идеи свободы имели для них обоих одинаковое обаяние, что оба они были людьми одной и той же политической философии — *либерального консерватизма.*

V. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТОР

В одной из своих старых статей Струве вспоминал, что в 70-х годах прошлого века Ю. Ф. Самарин и Ф. М. Дмитриев, говоря о сопротивлении великим реформам 60-х годов, "выковали по адресу нашего помещичьего реакционерства крылатое слово 'революционный консерватизм' " [1]. Девятисотые годы, когда Струве писал эту статью, тоже были богаты великими событиями и "еще более потрясающими переменами", нежели шестидесятые годы предыдущего столетия. Об упорствующей в своей революционности, — даже после конституции 17 октября 1905 года, — русской радикальной интеллигенции Струве мог написать, что для нее характерна "консервативная революционность" [2], не менее вредная, чем революционный консерватизм русского помещичьего реакционерства 60-х годов.

Струве, вслед за Самариным и Дмитриевым, писал тогда о " 'логической беззаконности совокупления' этих противоречивых понятий" [3]: революционности и консерватизма.

Уже будучи в эмиграции, в 20-х годах, Струве выдвинул новое словосочетание, и сделал это для определения уже своего собственного политического мировоззрения. Словосочетание это, тоже поразившее многих своей кажущейся логической беззаконностью, — *либеральный консерватизм.*

* * *

О либеральном консерватизме Струве писал неоднократно. Он отмечал при этом, что "и *слова*, и словосочетания имеют так же, как идеи и построения, свою *историю* и *традицию*" [4]. В защиту своего зрелого либерально-консервативного политического мировоззрения Струве мог сослаться и на идейную, и на словесную традицию. Либеральным консерватором считал себя и Пушкина кн. П. А. Вяземский, друг Пушкина. Принципы либерального консерватизма открыто исповедовали А. Д. Градовский и Б. Н. Чичерин. Либеральным консерватором был сам Струве.

Струве несколько раз выяснял свою *политическую генеалогию* как либерального консерватора. В 1927 году он выдвинул "первый список" самых замечательных русских либеральных консерваторов, включив в него кн. П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Н. И. Пирогова и А. Д. Градовского [5]. В 1929 году Струве вновь вернулся к этому вопросу и дал на этот раз несколько иной по своему составу список главнейших русских либеральных консерваторов. Это — Екатерина II в первый период ее царствования, адм. Н. С. Мордвинов, зрелый Карамзин, созревший Пушкин, кн. П. А. Вяземский и Б. Н. Чичерин [6].

Есть все основания считать, что эти два списка могут быть объединены. Тогда политическая родословная П. Б. Струве как либерального консерватора будет иметь следующий хронологический вид:

1) Екатерина II (1729-1796)
2) Адм. Н. С. Мордвинов (1754-1845)
3) Н. М. Карамзин (1766-1826)
4) Кн. П. А. Вяземский (1792-1878)
5) А. С. Пушкин (1799-1837)
6) Н. И. Пирогов (1810-1881)

7) Б. Н. Чичерин (1828-1904)
8) А. Д. Градовский (1841-1889).

* * *

Либеральный консерватизм означает идейное сочетание двух начал или мотивов. Стремление к сочетанию этих, казалось бы, несочетаемых начал — либерализма и консерватизма — родилось из необходимости определить свое отношение к двум основным проблемам культурного и государственного развития России: *свободы* и *власти.*

Поскольку отличительной чертой русской истории было преобладание начала власти, перед русской общественной мыслью всегда стояла, главным образом, проблема свободы, т. е. "1) проблема освобождения лица и 2) упорядочения государственного властвования, введения его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения" [7].

Либеральный консерватизм есть попытка *положительного* решения одновременно не только проблемы свободы, но и проблемы власти. Следует при этом иметь в виду, что и либерализм, и консерватизм, — взятые и отдельно, и вместе, — "суть не только идеи, но и настроения, точнее — сочетание сознанной идеи с органическим, глубинным настроением" [8].

Как, однако, можно определить начала или мотивы либерализма и консерватизма? Струве дает такую формулу: "Суть либерализма, как идейного мотива, заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма, как идейного мотива, состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей, как драгоценного наследия и предания" [9].

Пример Пушкина будет в этом отношении, может быть, наиболее показательным. Струве полностью

соглашался с кн. Вяземским, что "рассекать" песни Пушкина и "анатомировать" их, "искать в них организованную систему (. . .) значит не понимать Пушкина в особенности, ни вообще поэта и поэзии" [10]. Но это не мешало ни Вяземскому, ни Франку, ни Струве видеть, что "у зрелого Пушкина была ясная и трезвая, твердая и точная политическя мысль" [11].

Вот как Струве характеризует политическое мировоззрение либерального консерватора Пушкина:

"Пушкин непосредственно любил и ценил начало *свободы.* И в этом смысле он был *либералом.*

Но Пушкин так же непосредственно ощущал, любил и ценил начало *власти* и его национально-русское воплощение, принципиально основанное на законе, принципиально стоящее над сословиями, классами и национальностями, укорененное в вековых преданиях, или традициях народа *Государство Российское*, в его исторической форме — свободно приятой народом наследственной *монархии.* И в этом смысле Пушкин был *консерватором*" [12].

Либеральный консерватизм означает, таким образом, одинаковую любовь к началам и идеям свободы и власти, *свободы* и *порядка*, реформаторства и преемственности. Главная задача — и в то же время главная трудность — для носителей этой политической идеологии всегда заключалась в нахождении правильного "сочетания порядка и свободы *в применении к историческому развитию и современным потребностям*" [13].

Это значит, что при одинаковой любви к началам свободы и порядка на первый план, в зависимости от требований исторического момента, может выдвигаться то начало консерватизма (либеральный консерватизм), то начало либерализма (консервативный либерализм).

Так, об исторической позиции Б. Н. Чичерина, "духовный строй которого почти сразу отлился в

какую-то твердую и крепкую форму"[14], что отличало его от остальных либеральных консерваторов, Струве писал: когда и поскольку Чичерин "верил в реформаторскую роль исторической власти, т. е. в эпоху великих реформ, в 50-х и 60-х годах, Чичерин выступал, как *либеральный консерватор*, решительно борясь с крайностями либерального и радикального общественного мнения. Поскольку же власть стала упорствовать в реакции, Чичерин выступал, как *консервативный либерал*, против реакционной власти, в интересах государства отстаивая либеральные начала, защищая уже осуществленные либеральные реформы и требуя в царствование Александра III и, особенно энергично и последовательно, в царствование Николая II, коренного преобразования нашего государственного строя"[15].

Историческую позицию самого Струве во вторую, окончательно зрелую половину его жизни (1905-1944) можно определить так. Когда историческая русская власть, введя конституцию 1905 года, стала на путь реформ, Струве выступал как *консервативный либерал*, — мужественно борясь с упорствовавшей в своем догматизме и революционности русской радикальной общественностью, но в то же время решительно отстаивая, в интересах государства, все либеральные конституционные начала, защищая уже осуществленные реформы от всех посягательств на них со стороны правительственной и общественной реакции. Поскольку же революция 1917 года и большевизм-коммунизм привели к окончательному крушению исторической российской государственности и к подавлению духовной, политической и хозяйственной свободы, Струве восстал против натиска социалистического варварства на органическую христианскую культуру и, в качестве *либерального консерватора*, с новой энергией повел борьбу за свободу, культуру и Отечество, за Россию.

Если, следовательно, пользоваться обычными

политическими терминами, то можно сказать, что в то время как Чичерин, отталкиваясь от того, что он считал реакционностью власти, постепенно левел, Струве, отталкиваясь от революционности радикальной интеллигенции и социализма-коммунизма, постепенно правел [16].

Но, становясь все более консерватором и *государственником*, Струве неизменно оставался и *свободолюбцем*, являя собой в наше время учительный пример наиболее законченного и яркого *либерального консерватора* [17].

VI. ЧЕЛОВЕК ВОЛЕВОЙ ИДЕИ

Взгляды П. Б. Струве неотделимы от его личности и деятельности, его жизненного пути. Струве был редкий в наши дни универсальный ум, редкая в нашу эпоху не только многосторонняя, но одновременно и глубокая натура. Он был ученым исследователем и профессором (и академиком), редактором и публицистом, идеологом и политиком. Он был экономистом, социологом, историком, филологом, религиозным мыслителем и философом. Проф. прот. В. В. Зеньковский с полным правом мог отвести ему место в своей "Истории русской философии" [1].

Дело при этом не только в тех статьях по вопросам философии, которые напечатал за свою жизнь Струве, и в той "Системе критической философии", которую он начал фиксировать под конец жизни и о которой сообщал: "Если мне удастся довести до конца свою 'Систему критической философии' (. . .), связь религиозно-метафизического агностицизма с практическим 'консерватизмом', построенным, как у Аристотеля, на идее *медотес*, будет как бы высшей pointe всей моей философии не только социальной, но и религиозно-метафизической" [2].

Дело еще и в том, что, — как писал *философ* Франк, которому принадлежит самая глубокая характеристика *политика* Струве, — Струве имел "натуру подлинного *мыслителя.* (. . .) он вкладывал в свою научную мысль истинно-философский пафос (. . .)". Неизменной философской чертой всего умственно-духовного

склада Струве было ”Бескорыстное созерцание реальности, связанное с признанием какого-то высшего смысла реальности как таковой, обязанности личности в каком-то смысле ей подчиняться (. . .)” [3]. Действенно-живая мысль ”плюралиста” и ”аристотелика” Струве была всегда направлена на конкретное многообразие жизни, он был ”умом, видящим и признающим подлинную реальность только конкретно-единичного”, и ”в качестве натуры активной имел тенденцию духовно вкладываться в мир, а потому и воспринимать духовное начало, как силу имманентную миру, активно действующую в нем и его формирующую” [4].

Мыслитель Струве был прежде всего и больше всего политиком, *политическим мыслителем.* Политика была его главной, в том числе и умственной, *страстью.* Не даром самое это слово так часто появлялось, в разных сочетаниях, в словаре Струве.

С активностью и страстностью своей натуры Струве сочетал умонастроение подлинного *объективизма,* полную *независимость мысли* и необыкновенное *гражданское мужество.*

Борясь с догматизмом, господствовавшим и раньше, а в революции и коммунизме одержавшим полную победу, Струве и сам всегда *мыслил по существу,* не считаясь с общепризнанной — или навязываемой — точкой зрения, и других приучал мыслить и рассуждать по существу. Отталкиваясь от оппозиционного и радикального общественного мнения, Струве ”нес в себе, — пишет Франк, — и проявлял с самого начала зародыш совершенно иного”, несвойственного нашей тогдашней ”передовой” интеллигенции, ”*ответственного, положительного, творческого* политического образа мыслей (. . .). Он рассуждал всегда о политике, можно сказать, *не 'снизу', а 'сверху',* не как член порабощенного общества, а сознавая себя потенциальным участником положительного государственного строительства... Это

есть, конечно, — добавляет Франк, — единственно здоровое и плодотворное политическое сознание. (. . .) *эта установка* одна лишь адэкватна пониманию подлинного существа государственной жизни" [5]. Со временем эта особенность П. Б. Струве как политического мыслителя и практического политика еще более укрепилась и сделала его носителем подлинного — положительного и реалистического — *государственного сознания.*

Отталкивание от идейного и политического догматизма было всю жизнь одним из главных движущих мотивов умонастроения Струве. Так было в отношении не только *революционного*, но и *контрреволюционного* догматизма. Когда, например, в 30-х годах в эмиграции, под влиянием успехов, с одной стороны, большевистской, а с другой — национал-социалистической пропаганды и демагогии, стали увлекаться мыслью о создании собственной "политграмоты", только с обратным большевизму знаком, Струве твердо выступил против таких увлечений. В предисловии к брошюре Н. А. Цурикова о Пушкине, всецело соглашаясь с соответствующими мыслями автора брошюры, Струве со своей стороны подчеркивал "необходимость для борцов за национальное освобождение и возрождение России *упорной идейной работы на основе серьезного общего и политического образования*" [6]. Ибо, писал Струве, "никакая антибольшевицкая 'политграмота' не может заменить идейно-образовательной работы. Задача духовного преодоления большевизма, без какового преодоления никакая вещественная борьба с ним не может быть ни сильна, ни прочна, требует огромного напряжения именно умственных сил" [7]. Эти свои мысли о необходимости упорной идейно-образовательной работы Струве заканчивал одной из тех формул, мастером которых он всегда был: "Не в близоруком пренебрежительном скидывании с исторических

счетов *умственной работы*, а *в одушевленном сопряжении этой работы с горением патриотической страсти и напряжением патриотической воли — залог конечного торжества Правды и Свободы в России*"[8].

Сочетание огромного напряжения умственных сил с горением патриотической страсти и напряжением патриотической воли и было характерной особенностью самого Струве. *Ум, воля и страсть* — вот основные его свойства. Струве был *носителем волевой и страстной идеи*[9].

В силу обращенности его ума на конкретную жизнь, Струве, — писал о нем так хорошо его знавший С. Л. Франк, — умел прилагать свойственный ему мотив духовного реализма и объективизма "к практически-действенной ориентировке в жизни. Именно на этом пути я, — признавался Франк, — научился от него *высшему моральному и религиозному смыслу политического реализма* [курсив мой. — Н. П.] Этот его реализм был выражением сочетания в нем напряженной духовности с *трезвостью;* трезвость он сознавал как не только интеллектуальное, но и *моральное* обязательство; и наоборот, всяческое фантазерство и безответственно-мечтательное отношение к действительности, — как морально-порочную установку"[10]. Франк добавляет, что *сочетание принципиальности с трезвостью* отличало Струве от обычного в то время типа русских религиозных мыслителей. Этот момент тем более важно подчеркнуть, что среди целой плеяды русских религиозных мыслителей первой половины XX века в самом деле было много принципиальных, но мало трезвых умов, — таких, которые не грешили бы и всяческим фантазерством и безответственно-мечтательным отношением к действительности.

Принципиальность, трезвость и мужество политической мысли и действий Струве только укрепляли впечатление *цельности*, исходившее от всей его натуры.

Струве был крестоносцем не только в том прямом смысле, в котором употребил это слово о. Сергий Булгаков, когда говорил о немногих людях, подъявших в начале этого века "крест борьбы с духовным равнодушием и предрассудками, царившими в образованных кругах" [11]. Он был крестоносцем и как человек, который всегда, со свойственным ему бесстрашием мысли и страстностью натуры, боролся за свою религиозную и политическую идею. Струве был *мыслителем-крестоносцем.*

Возражая против всех крайностей тогдашнего безгосударственного интеллигентского сознания, разоблачая "Незрелость и умственный фетишизм русской интеллигенции" [12] и выступая против "верхоглядного и бесшабашного радикализма" [13] ее идейных вождей, Струве определял свой собственный путь как путь "*воли и веры, действия и дела*" [14]. Так оно и было: у Струве слово не расходилось с делом, теория с практикой, идея с жизнью, воля с верой. Его умственное горение шло в ногу с его жизненным и политическим деланием.

Струве с полным правом мог написать о себе и своем идейном пути: "Идейные переломы не вычитываются из книг; они даются историческими переживаниями" [15]. Так, марксистом Струве "гораздо больше сделал голод 1891-1892 гг., чем чтение 'Капитала' Маркса" [16].

Бывший в юности социалистом и марксистом, Струве очень скоро отступил от социализма-марксизма и дал острую его критику. Социализм верит в силу основанного на индивидуальном и коллективном разуме переустройства общества, требует сплошной рационализации общественной и личной жизни. Однако, писал Струве, можно не считать людей злыми или виноватыми, но нельзя отрицать, что люди слабы. Достаточно вспомнить о таких страшных явлениях, как

преступность и проституция, которые нельзя свести ни к индивидуальному невежеству, ни к социальному устройству. "Когда я, — пишет Струве, — понял это — а понял я это, *не только изучая научно эти вопросы, но и сталкиваясь с самыми явлениями в жизни*, — я перестал быть социалистом в обычном смысле, т. е. перестал верить в решающую силу 'внешнего устроения' человеческой жизни, на основе ли проповеди, или насилия" [17].

Под влиянием жизни и исторических переживаний Струве перестал быть не только сторонником социализма-марксизма, но и соучастником (правда, косвенным) русского интеллигентского отщепенства от государства. В этом отношении решающую роль сыграла, как мы уже знаем, русская революция 1905 года. Именно она, по признанию Струве, научила его "живо ощущать и понимать, что такое *государство*, и задуматься над отношением русской *интеллигенции* к государству и государственности" [18].

Еще более сильным историческим переживанием была для Струве революция 1917 года. И тут связь жизни с мыслью, мысли с действием снова бросается в глаза. Как сообщают сыновья П. Б. Струве, замысел написать "Философию русской истории" (а для этого — "заново пересмотреть для себя русскую историю") родился у Струве в самый "*разгар* революции и гражданской войны, в тот момент, когда он был *деятельным участником* Белого движения" [19].

Во второй половине двадцатых годов, когда Струве целиком ушел в злободневную публицистическую и политическую работу в среде русской эмиграции, эта злободневная работа для Струве в то же время "всегда была глубочайшим образом связана с *научным и идейным осмысливанием* русского прошлого" [20]. Вообще же, для Струве историческое прошлое никогда не было тем, что прошло; для него это прошлое

всегда как-то жило в современности и существовало для нее [21].

Струве сам подчеркивал эту неизменную связь жизни и мысли, политики и науки. В предисловии к своей "Социальной и экономической истории России" Струве пишет: "Отвергая в научной работе всякую публицистическую тенденцию, автор тем не менее считает нужным подчеркнуть, что *для него самого его исторический анализ теснейшим образом связан с его собственными историческими переживаниями, как современника русской революции*" [22]. А в частном письме Струве так определял свой научно-исследовательский замысел: "я хочу (. . .) создать новый синтез всей русской истории, который должен приобрести *и теоретическое значение и действенно-практический смысл* — по самому своему содержанию" [23]. Эти слова чрезвычайно характерны для Струве: ум и воля его неразлучны, и большая часть его научных работ имеет поэтому одновременно и теоретическое значение и действенно-практический смысл.

* * *

Подводя итоги всему сказанному, спросим себя: в чем для нас значение П. Б. Струве как политического мыслителя и как политического явления? Чем он, пользуясь его словами, "учителен и водителен"?

О Пушкине и о других выдающихся русских писателях и мыслителях, которых Струве особенно высоко ценил [24], он говорил, что мы должны искать у них *не рецептов, а идей.* То же самое можно, конечно, сказать и о Струве: у него мы тоже должны искать прежде всего идеи, а не рецепты.

Итак, чем же учителен и водителен П. Б. Струве?

1. Струве был двойным оппозиционером: он боролся против интеллигентского верхоглядства и радикализма и против правительственной и господской реакционности. Он был представителем того разумного центрального политического направления, без наличия и торжества которого немыслима никакая нормальная культурная, общественно-политическая и государственная жизнь.

2. Струве был религиозным государственником. Для него государство и государственность были неотделимы от их религиозных, мистических корней, и только от этих корней и получали свое настоящее питание.

3. Струве был либеральным консерватором. Он одинаково любил и свободу человеческой личности, и мощь организованного в государство народа [25].

4. Струве был жертвенным и несгибаемым патриотом свободной и великой России. Как проникновенно сказал о. Сергий Булгаков, провожая Струве в последний путь, жизнь Струве "от начала и до конца" была "рядом жертв во имя родины", в отношении которой Струве "явил собою кристально чистый образ беззаветно любящего сына в наши страдные и роковые годы" [26].

5. Струве был человеком волевой идеи, мыслителем-крестоносцем, у которого дело соответствовало слову, мысль сочеталась с волей и страстью. Он "показал веру и верность, честь и честность, несгибающуюся твердость в век малодушия, колебания, двусмысленности, измены" [27].

6. Струве был глубоким критиком и непримиримым противником социализма и марксизма, восторжествовавших в русской революции 1917 года и теперь грозящих всему свободному миру.

7. Струве был одним из главных идеологов борьбы за освобождение России от большевизма-коммунизма

и советской власти. Отрицая поклонение фактам (фактопоклонство), он в то же время с самого начала эмиграции призывал считаться с огромными переменами, внесенными в русскую жизнь революцией, и смотреть не назад, а вперед; бороться не за реставрацию, а за освобождение и возрождение, не за старую, а за новую — и вековечную — Россию.

8. Струве завещал строить будущую Россию на идеях нации и отечества, мощи и величия государства, частной собственности и хозяйственной инициативы, свободы и крепости лица, творчества и духовной культуры.

Петр Бернгардович Струве был одним из крупнейших русских политических мыслителей двадцатого века.

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу настоящей брошюры легли пять моих статей, появившихся впервые – под общим заглавием "П. Б. Струве как политический мыслитель" и с соответствующими индивидуальными заголовками – в парижской газете "Русская мысль" в конце 1955 г. - начале 1956 г. (№ 830 от 6 дек., № 833 от 13 дек. № 836 от 20 дек. и № 839 от 27 декабря 1955 г. и № 843 от 5 января 1956 г.).

Хотя с тех пор, как эти статьи были написаны и опубликованы, прошло более четверти века, мой общий подход к П. Б. Струве и его идейному наследию остается прежним. Время только еще более укрепило мое высокое представление о нем как о политическом мыслителе и публицисте – и, конечно, как об ученом.

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить мою искреннюю признательность Г. П. Струве, который и четверть века тому назад и на всех последующих этапах моих занятий щедро делился со мной печатными работами своего отца и материалами о нем из своей библиотеки и ценного архива, равно как и своими сведениями, мнениями и советами. (Ответственность за возможные ошибки фактического или оценочного порядка остается, конечно, всецело на моей совести.)

Вступление. Жизненный путь

Биографические данные о П. Б. Струве можно найти во многих книгах и статьях, ему посвященных. Отметим, в частности, биобиблиографическую справку "Петр Бернгардович Струве (1870-1944)" в "Записках" Русской Академической группы в США, т. III, 1969 г., стр. 231-235. См. также библиографические сведения, приведенные ниже, в примечаниях 1, 3 и 8 к главе I ("Идейно-политическая эволюция"), прим. 12 к главе II ("Враг революции и реакции"), прим. 1 и 3 к главе VI ("Человек волевой идеи") и др.

1. Об идейном пути молодого Струве см. его воспоминания в послевоенном парижском "Возрождении", тетради I (1949 г., стр. 27-46), IX (1950 г., стр. 113-121), X (1950 г., стр. 109-118) и XII (1950 г., стр. 91-107). Эти воспоминания были еще до войны напечатаны по-английски в лондонском журнале "The Slavonic Review": "My Contacts with Rodichev", XII, No. 35 (January, 1934), pp. 347-367; "My Contacts and Conflicts with Lenin", XII, No. 36 (April, 1934), pp. 573-595, and No. 37 (July, 1934), pp. 66-84.

Об этом периоде существует также большая статья Б. Николаевского "П. Б. Струве (1870-1944). Статья первая", – "Новый журнал", X, 1945 г., стр. 306-328. Хотя статья названа первой, других статей, насколько мне удалось установить, не последовало. Что эта предполагавшаяся большая работа о Струве осталась незавершенной, ясно также из соответствующих материалов архива Николаевского, хранящегося в Гуверовском институте в Калифорнии и из библиографии трудов Николаевского, составленной А. М. Бургиной (Anna M. Bourgina, "The Writings of B. I. Nikolaevsky: A Selected Bibliography," в книге: "Revolution and Politics in Russia, Essays in Memory of B. I. Nikolaevsky," edited by Alexander and Janet Rabinowitch with Ladis K. D. Kristof, Indiana University Press, 1972, pp. 322-341. Статья о Струве упоминается на стр. 334, но без указания, что это статья первая. Это только подтверждает наш вывод, что она была и последней).

В 1970 г. появился первый том биографии Струве, долго подготовлявшейся проф. Ричардом Пайпсом: Richard Pipes, "Struve: Liberal on the Left, 1870-1905," Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. Этот том посвящен первой половине жизни и деятельности Струве.

Отметим тут же, что совсем недавно вышел и второй том: Richard Pipes, "Struve: Liberal on the Right, 1905-1944," Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1980. Кроме того, Ричарду Пайпсу принадлежит ряд других работ, из которых совершенно особое значение имеют подготовленные им собрание сочинений П. Б. Струве и библиография его трудов (P. B. Struve, "Collected Works in Fifteen Volumes," Richard Pipes, Editor, Printed by University Microfilms, Ann Arbor, 1970; "Bibliography of the Published Writings of Peter Berngardovich Struve," Edited by Richard Pipes, Published for Russian Research Center, Harvard University,

by University Microfilms International, 1980. Видимо, в связи с тем, что весь почти текст библиографии русскоязычный, она имеет, кроме английского, также и русское заглавие: "Библиография печатных работ Петра Бернгардовича Струве", под редакцией Ричарда Пайпса).

2. "Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России", вып. I, СПб, 1894 г.

3. Анализ этой непримиримости дан В. X. Даватцом в его брошюре "Правда о Струве. Опыт одной биографии", Издание Н. З. Рыбинского, Белград, 1934 г. При всей ее краткости, работа проф. Даватца – близкого друга и единомышленника Струве в эти годы – вообще одна из самых ценных работ, написанных о Струве. В дальнейшем цитируется как "Правда о Струве".

4. "На разные темы. IV. Ответ г. Пешехонову", – "Русская мысль", 1909 г., январь, кн. 1, ч. 2. Перепечатано в книге П. Б. Струве "Patriotica. Политика, культура, религия, социализм", Сборник статей за пять лет (1905-1910), СПб, 1911 г., стр. 427. В дальнейшем цитируется как "Ответ г. Пешехонову", "Патриотика".

5. "Правда о Струве", стр. 8; курсив Даватца.

6. "Ответ г. Пешехонову", "Патриотика", стр. 426; курсив мой.

7. Литература о "Вехах" очень велика: она насчитывает несколько сот названий – книг, брошюр, статей, рецензий и пр. См., в частности, мои статьи: " 'Вехи' и русская интеллигенция", – "Мосты", Мюнхен, № 10, 1963 г., стр. 292-304; "Lev Tolstoi and 'Vekhi'," – "The Slavonic and East European Review," XLII, No. 99, London, June 1964, pp. 332-352 (русская версия: "Лев Толстой и 'Вехи' ", – в кн.: "На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева", под почетной ред. проф. П. А. Сорокина, под ред. проф. Н. П. Полторацкого, Общество друзей русской культуры, Нью-Йорк, 1965 г., стр. 218-247); "Soviet Literary Criticism on Lev Tolstoi and 'Vekhi' ", – "The Slavic and East European Journal," VIII, No. 2, Summer 1964, pp. 141-148 (русская версия: "Лев Толстой и 'Вехи' в советском литературоведении и критике", – "Мосты", № 11, 1965 г., стр. 327-335); "The 'Vekhi' Dispute and the Significance of 'Vekhi'," – "Canadian Slavonic Papers," IX, No. 1, Spring 1967, pp. 86-106.

8. С. Франк. Из истории русской общественной мысли начала XX-го века. – "Вестник" Р.С.Х.Д., № 33, Париж, 1954 г., стр. 111; подчеркнуто Франком. Эта статья С. Л. Франка представляет собой отрывок из его воспоминаний о Струве, вышедших потом под – не авторским, а издательским – заглавием "Биография П. Б. Струве", Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 г. Приведенная здесь цитата взята со стр. 82-83.

9. Этот исключительно важный сборник – со статьями таких авторов, как С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, Сергей Булгаков, Вячеслав Иванов, А. С. Изгоев, С. А. Котляревский, В. Н. Муравьев, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский – в свое время не мог получить сколько-нибудь значительного распространения из-за революционных событий. К полувековой годовщине революции он был переиздан в Париже ИМКА-Пресс со вступительными статьями Никиты Струве ("Пророческая книга", стр. V-VII) и Н. Полторацкого ("Сборник 'Из глубины' и его значение", стр. IX-XXII). В этом, втором издании цитируемое здесь "Предисловие издателя" находится на стр. 25.

10. См. об этом ст. Струве "Тактика или идеи? Из размышлений о русской революции", – "Русская мысль", 1907 г., август, кн. VIII, ч. 2, стр. 228-235. Перепечатано в "Патриотика", стр. 63-64.

11. Эту грань формально признает, как мы видели, и проф. Пайпс, разделивший свою биографию Струве на два тома, связующим звеном которых является 1905 год. Но проф. Пайпс не делает из этой грани достаточно далеко идущих выводов (о чем см. дальше, в прим. 17 к гл. V настоящей брошюры).

II. Враг революции и реакции

1. "Из размышлений о русской революции", ст. "I. 'Современность' и 'элементарность' русской революции", – "Русская мысль", 1907 г., январь, кн. I, ч. 2; "Патриотика", цитаты со стр. 23 и стр. 31.

2. ”Размышления о русской революции”. Российско-Болгарское книгоиздательство, София, 1921 г. Эта брошюра состоит из двух частей: ”I. После мировой войны”, стр. 3-18, и ”II. Новая жизнь и старая мощь (Исторический смысл русской революции)”, стр. 19-34. Основу брошюры составили две публичные лекции, прочитанные Струве в Ростове на Дону в ноябре 1919 г. Текст ”Размышлений” был напечатан также в зарубежной ”Русской мысли”, 1921 г., январь-февраль, кн. I-II, стр. 6-37. Цитирую по тексту ”Русской мысли”, стр. 32-33.

3. Там же, стр. 33.

4. ”М. В. Челноков и Д. Н. Шипов (Глава из моих воспоминаний)”, – ”Новый журнал”, Нью-Йорк, 1949 г., кн. XXII, стр. 244-245. Воспоминания Струве о Челнокове и Шипове были впервые напечатаны в варшавской газете ”Меч”, 1936 г., 8 декабря, № 48 (81), стр. 4-5.

5. ”Ответ г. Пешехонову”, ”Патриотика”, стр. 431.

6. ”Унижение России”, – ”Московский еженедельник”, 1909 г., 12 марта, № 12, стр. 5-8, и ”Слово”, 1909 г., 22 марта, № 744, стр. 1. Перепечатано в ”Патриотика”, стр. 197-199. Цитата со стр. 199 книги.

7. ”Ответ г. Пешехонову”, ”Патриотика”, стр. 429.

8. ”Размышления о русской революции”, стр. 32.

9. Там же, стр. 33.

10. ”Консерватизм интеллигентской мысли. Из размышлений о русской революции”, – ”Русская мысль”, 1907 г., июль, кн. VII, ч. 2; ”Патриотика”, стр. 38.

11. ”Размышления о русской революции”, стр. 33.

12. ”Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры

и ростом российской государственности". Посмертно публикуемый, незаконченный труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П. Б. Струве. Париж, 1952, стр. 19 и стр. VII; курсив мой. В дальнейшем цитируется как "История России".

13. "А. А. Блок и Н. С. Гумилев (По личным воспоминаниям)" – приложение П. Б. Струве к книге: Н. А. Цуриков, "Заветы Пушкина. Мысли о национальном возрождении России", С предисловием Петра Струве и его воспоминаниями о Блоке и Гумилеве, Белград, 1937, стр. 46; курсив мой. Струве воспроизвел здесь слова из своей заметки " 'Двенадцать' Александра Блока", – "Русская мысль", 1921 г., январь-февраль, кн. I-II, стр. 232-233.

14. Там же.

15. "История России", стр. 6 и 7.

16. Там же, стр. 7.

17. Там же, стр. 9; подчеркнуто Струве.

III. Патриот великой и свободной России

1. "Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества", – "Русская мысль", 1908 г., январь, кн. I, ч. 2, стр. 143-157; "Патриотика", стр. 73-96. На эту статью Струве тогда же были отклики, помимо русской, также в немецкой и итальянской печати (см. "Приписку" в кн. "Патриотика", стр. 96). В ноябре 1913 г. статья появилась в переводе на английский язык ("A Greater Russia,"–"The Russian Review," II, November 1913, No. 4, pp. 11-30). В дальнейшем цитируется как "Великая Россия", по кн. "Патриотика".

2. "Великая Россия", "Патриотика", стр. 82.

3. Там же, стр. 78.

4. Там же, стр. 84.

5. Там же, стр. 86.

6. "Ответ г. Пешехонову", "Патриотика", стр. 432; курсив мой.

7. "Великая Россия", "Патриотика", стр. 73.

8. Там же, стр. 80.

9. Там же, стр. 74-75.

10. Там же, стр. 76.

11. Там же, стр. 80; подчеркнуто Струве.

12. Там же, стр. 81-82.

13. Там же, стр. 82; подчеркнуто Струве.

14. Там же, стр. 93; подчеркнуто мною.

15. Там же; подчеркнуто мною. Эти слова о *мощном* и *свободном* государстве – ключ к пониманию идейно-политической позиции Струве того времени (как, впрочем, и позднейших лет).

16. Там же; подчеркнуто мною.

17. Там же, стр. 95.

18. "Отрывки о государстве и нации", – "Русская мысль", 1908 г., май, кн. V, ч. 2, стр. 187-193. Перепечатано под названием "Отрывки о государстве" в кн. "Патриотика", стр. 97-108. Приведенные здесь слова находятся на стр. 105 книги. В дальнейшем цитируется как "Отрывки о государстве", "Патриотика".

19. "Ответ Д. С. Мережковскому", – "Речь", 1908 г., 24 февраля, № 47, стр. 2-3. Перепечатано под названием "Первый

ответ" как I-ая часть статьи "Спор с Д. С. Мережковским" в сб. "Патриотика", стр. 109-127. Цитата со стр. 115 сборника. В дальнейшем – "Ответ Д. С. Мережковскому", "Патриотика".

20. Там же.

21. "Ответ г. Пешехонову", "Патриотика", стр. 433.

22. "Великая Россия", "Патриотика", стр. 96.

23. Там же.

24. "Дневник политика. 61. – Наши идеи", – "Возрождение", 1926 г., 3 июня, № 366, стр. 1. Статья была юбилейной – в первую годовщину основания газеты "Возрождение". Эту статью пространно цитирует и Георгий Мейер, в своей юбилейной статье в журнале "Возрождение", бывшем продолжением газеты: Георгий Мейер, " 'Возрождение' и Белая идея (К тридцатилетию со дня основания 'Возрождения')", – "Возрождение", 1955 г., июнь, №42, стр. 5-41; июль, № 43, стр. 61-86; август, № 44, стр. 79-107. Эта статья Георгия Мейера вошла потом в его книгу "У истоков революции", Посев, 1971 г., стр. 121-242.

25. "Наши идеи", "Возрождение"; курсив всюду Струве.

26. "Отрывки о государстве", "Патриотика", прим. на стр. 97.

27. "А. А. Блок и Н. С. Гумилев (По личным воспоминаниям)" – в книге: Н. А. Цуриков, "Заветы Пушкина. Мысли о национальном возрождении России", стр. 48; курсив Струве. В предисловии к этой брошюре Цурикова Струве сообщает, что его очерк составлен из речи, произнесенной им в 1930 г., и из статьи, напечатанной в 1932 г., и отсылает читателя к газете "Россия и Славянство", №№ 106 и 179, а также к софийской "Русской мысли", 1921 г., кн. X-XII (см. "Предисловие" Струве, стр. IV). Струве имеет при этом в виду следующие свои статьи: "Речь о Блоке и Гумилеве", – "Россия и Славянство",

1930 г., 6 декабря, № 106, стр. 3; "Воскресение души поэта и воскресение Святой Руси", – "Россия и Славянство", 1932 г., 30 апреля, № 179, стр. 1; "А. А. Блок и Н. С. Гумилев (По личным воспоминаниям)", – "Русская мысль", 1921 г., октябрь-декабрь, кн. X-XII, стр. 88-91.

28. "Никита Муравьев и Павел Пестель", – "Россия и Славянство", 1934 г., 1 марта, № 230, стр. 3-4. Перепечатано в "Истории России", стр. 348-353. Существенен подзаголовок этой статьи: " 'Российская' (имперская) и 'русская' (национально-централистская) идеи в политических проектах декабристов".

29. "История России", стр. 353.

30. Там же; подчеркнуто Струве.

IV. Леонтьевец или чичеринец?

1. Георгий Мейер. " 'Возрождение' и Белая идея (К тридцатилетию со дня основания 'Возрождения')", – "Возрождение", 1955 г., июнь, № 42, страницы 16, 10 и 7; курсив мой.

2. Георгий Мейер не привел названия цитируемой им статьи Струве о Леонтьеве, но упомянул, что она появилась "В одном из первых же номеров 'Возрождения' " (там же, стр. 6). Это явная ошибка: первый номер этой ежедневной газеты вышел в свет 3 июня 1925 г., за год до появления большой статьи Струве о Леонтьеве, которую и цитирует Г. Мейер (см.: Петр Струве, "Константин Леонтьев", – "Возрождение", 1926 г., 30 мая, № 362, стр. 2-3, подвал). Кроме того, самые цитаты Г. Мейера, к сожалению, не всегда точны.

3. Укажем, однако, на чрезвычайно острую и сильную книгу Николая Бердяева "Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии", Обелиск, Берлин, 1923 г.; 2-е, испр. издание, ИМКА-Пресс, Париж, 1970. Правда, сам Бердяев от этой книги впоследствии (но не тогда, когда появилась статья Струве) почти отрекся.

4. См., например, ст. Струве "Из духовного прошлого России", – "Возрождение", 1926 г., 27 мая, № 359, стр. 3. В этой статье Струве пишет о двух книгах: бар. Б. Э. Нольде о Ю. Самарине и Николая Бердяева о К. Леонтьеве. Струве считал, что и Бердяев и Леонтьев, касаясь вопросов политики, совершают одну и ту же формальную ошибку короткого замыкания: "Между философским основанием (посылкой) и политическим выводом (заключением) часто нет никакого *расстояния* и заключение из посылки получается с быстротой, простотой, ослепительностью и разрушительностью 'короткого замыкания', или пистолетного выстрела" (подчеркнуто Струве). В конце этой своей статьи Струве обещал еще вернуться к историческим фигурам Юрия Самарина и Константина Леонтьева, – что, в отношении Леонтьева, и сделал, уже через три дня, в большой статье от 30 мая.

5. "Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности", – "Россия и Славянство", 1929 г., 26 января, № 9, стр. 3-4. Эта речь была произнесена в заседании Русского Научного института в Белграде.

6. "На разные темы. II. Г. Чичерин и его обращение к прошлому", – "Новое слово", 1897 г., апрель, № 7, ч. 2, стр. 34-62 (специально Чичерину посвящены стр. 34-49; статья подписана псевдонимом Струве – Novus). Перепечатано в книге Струве "На разные темы", СПб, 1902 г., стр. 84-120.

7. Там же ("Новое слово"), стр. 40.

8. П. С., "Б. Н. Чичерин. Некролог", – "Освобождение", 1904 г., 19 февраля / 3 марта, № 18 (42), стр. 323.

9. "Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности". Эта статья-речь воспроизведена в посмертной книге Струве "История России", стр. 323-331. Цитата со стр. 326; курсив мой.

10. Там же, стр. 323.

11. Тут Чичерин делил заслугу со своим учеником и соратником московским историком В. И. Герье: вдвоем они написали "остроумный и основательный полемический трактат против народническо-экономических идей кн. А. И. Васильчикова, защитника и пропагандиста общины" (там же, стр. 325).

12. Слова Чичерина, приведенные Струве (там же, стр. 327).

13. Там же, стр. 329.

14. Там же, стр. 330; курсив мой.

15. "На разные темы. (. . .) К спору о 'Великой России' ", – "Русская мысль", 1908 г., март, кн. III, ч. 2; "Патриотика", стр. 410; подчеркнуто Струве.

16. "Тактика или идеи? Из размышлений о русской революции", – "Русская мысль", 1907 г., август, кн. VIII, ч. 2; "Патриотика", стр. 64; курсив мой.

17. См. примечание к ст. "Отрывки о государстве" в сб. "Патриотика", стр. 7.

18. "Ответ Д. С. Мережковскому", – "Речь", 1908 г., 24 февраля, № 47; перепечатано под названием "Первый ответ" в качестве первой части статьи "Спор с Д. С. Мережковским" в сб. "Патриотика"; цитата со стр. 111 сборника.

19. Это подтверждается и самим Струве. Нечто аналогичное тому, что он сказал о своей независимости от прямого влияния Чичерина, Струве написал и о Леонтьеве. Указывая, что метафизически-мистическое постижение государства у Леонтьева ему в особенности близко, Струве свидетельствовал: "через собственные политические переживания, через общественно-государственный опыт я *своим путем* пришел к постижению объективной мистичности и мистической объективности государства" ("Константин Леонтьев", стр. 2; курсив мой). В подтверждение этого Струве ссылался на свои "Статьи о Льве Толстом" и статьи "Великая Россия" и "Отрывки о государстве", появившиеся впервые еще в 900-х годах.

V. Либеральный консерватор

1. "Консерватизм интеллигентской мысли. Из размышлений о русской революции", – "Русская мысль", 1907 г., июль, кн. VII, ч. 2; "Патриотика", стр. 36.

2. Там же.

3. Там же.

4. "Кн. Вяземский и А. Д. Градовский о либеральном консерватизме". – В кн.: С. Л. Франк, "Пушкин, как политический мыслитель". С предисловием и дополнениями П. Б. Струве. Белград, 1937, стр. 43; подчеркнуто Струве. Тут Струве воспроизвел, в сокращенном виде, свой этюд, напечатанный за десять лет перед тем в парижском – единственном и последнем – выпуске "Русской мысли" ("Материалы для исторической хрестоматии русской мысли. 1. О либеральном консерватизме в нашем прошлом", – "Русская мысль", 1927 г., январь, стр. 64).

5. "О либеральном консерватизме в нашем прошлом", – "Русская мысль", 1927 г., январь, стр. 68. Используя этот свой этюд в приложении к брошюре С. Л. Франка о Пушкине, Струве прибавил к этим четырем именам также имя прославленного Пушкиным адмирала Мордвинова. В результате в "хронологический список самых замечательных русских либеральных консерваторов" вошли: Н. С. Мордвинов, кн. П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, Н. И. Пирогов, А. Д. Градовский ("Приложение I. Кн. Вяземский и А. Д. Градовский о либеральном консерватизме", стр. 47 брошюры Франка).

6. См. "Б. Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности", "История России", стр. 327-328.

7. Там же, стр. 327.

8. Там же.

9. Там же. Определяя еще ранее, в "Возрождении", свое политическое лицо, Струве противопоставлял либеральный консерватизм и радикализму, и "наседающему на европейскую культуру коммунизму". Струве дал при этом четкое определение радикализма, либерализма и консерватизма (социализм-коммунизм как революционная доктрина и явление характеризовался Струве много раз, в других статьях). "Радикализм, – писал Струве, – есть принципиальное отрицание исторической почвы и высокомерное доктринерское презрение к отцам"; "Либерализм есть политическое направление, высшею ценностью признающее личную и, прежде всего, хозяйственную свободу"; "Консерватизм есть возведенная в принцип 'почвенность' и осознанное почитание отцов" ("Возрождение", 1925 г., 10 июня, № 8, передовая статья. Статья не подписана, но ее принадлежность перу Струве не вызывает никаких сомнений.)

10. Запись 19 ноября 1859 г., – "Собрание сочинений кн. П. А. Вяземского", СПб, 1886 г., т. X, стр. 229. Приведено в "Предисловии" Струве к брошюре Франка о Пушкине, стр. 4.

11. "Предисловие", стр. 4.

12. Там же.

13. Слова Б. Н. Чичерина из его сборника статей "Несколько современных вопросов", М., 1862 г., стр. 8, приведенные Струве в его статье-речи о Чичерине ("История России", стр. 329; курсив мой).

14. "История России", стр. 328.

15. Там же, стр. 330; курсив мой.

16. Высказывалось мнение, что в самые последние годы своей жизни Струве, отталкиваясь в особенности от национал-социализма, снова "полевел". Верно, что Струве, который и прежде ориентировался на западные демократии, был против всякого сотрудничества с Гитлеровской Германией. Но перестал ли он быть "пораженцем" и превратился ли, подобно

некоторым другим видным эмигрантам, в "оборонца"? Думается, что его более ранняя формула о желательности сбросить Сталина и Гитлера "в один мешок" едва ли утратила для него свою значимость и после 22 июня 1941 года. В любом случае, можно утверждать, что если и было какое-либо "полевение", то относилось оно именно к внешнеполитической ориентации Струве и ни в какой мере не изменило его сугубо отрицательного отношения к социализму-коммунизму, равно как и самого существа его окончательного политического – либерально-консервативного – мировоззрения. (О Струве-политике и публицисте см. очень ценные, несмотря на их краткость, воспоминания Н. А. Цурикова, существенно дополняющие обширные воспоминания С. Л. Франка: Н. Цуриков, "Петр Бернгардович Струве /Воспоминания/", – "Возрождение", 1953 г., тетрадь 28, стр. 79-96. О воспоминаниях самого Франка см., в частности: Н. Полторацкий, "С. Л. Франк о П. Б. Струве", – "Опыты", Нью-Йорк, 1958 г., IX, стр. 107-112.)

17. Тут приходится вернуться к биографическому труду проф. Ричарда Пайпса. Вклад Р. Пайпса в изучение жизни и трудов П. Б. Струве – огромный. Никто ничего подобного до сих пор в этом отношении не сделал. И этот вклад заслуживает специального разбора. Здесь мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми замечаниями по существу основной концепции Р. Пайпса в том виде, как она выражена в подзаголовках его двухтомной биографии Струве. Согласно этой концепции, Струве первой половины его жизни и деятельности (1870-1905) – "левый либерал", второй половины (1905-1944) – "правый либерал". Таким образом, общий знаменатель, главная черта всей личности, идей и действий Струве это – "либерал". Конечно, Струве был либералом. Но проф. Пайпс его уже и вовсе – до предела – "олибералил". Тем более, если иметь в виду то содержание, которое теперь вкладывается в Америке в понятие "либерал". А ведь биография – американская, на английском языке. При таком определении ("либерал") и при таких незначительных уточнениях ("левый либерал" / "правый либерал") исчезает самое существо той кардинальной перемены, которая, – по признанию самого Струве, – произошла в его взглядах и деятельности, начиная с первой русской революции 1905 года

(а исподволь – и еще раньше). Чтобы показать, насколько наш подход к Струве – и, главное, подход Струве к самому себе, – отличается от заголовочной концепции Р. Пайпса, мы могли бы сказать, что Струве до 1905 г. был преимущественно "радикал" (а не "левый либерал"), после же 1905 г., и в особенности после 1917 г., – преимущественно "консерватор" (а не "правый либерал"). Но это было бы все-таки известным упрощением, цель которого лишь в том, чтобы подчеркнуть разницу в подходе к Струве. Полнота же характеристики требует использования не только существительных, но и прилагательных, в том числе, конечно, и относящихся к либерализму, – однако с обязательным введением также понятий радикализма, с одной стороны, и консерватизма – с другой. При таком подходе (на котором и основан данный очерк) Струве в первую половину своей жизни будет восприниматься как либеральный радикал или радикальный либерал (главное: радикализм), во вторую – как консервативный либерал и либеральный консерватор (главное: консерватизм). Окончательное политическое лицо Струве: *либеральный консерватор* – с упором на втором, а не на первом слове. Все это весьма далеко от концепции Р. Пайпса, как она выражена в подзаголовках его двухтомной биографии Струве: слово "консерватизм" или "консерватор" в них отсутствует начисто.

VI. Человек волевой идеи

1. Прот. В. В. Зеньковский. "История русской философии". ИМКА-Пресс, Париж, том II, 1950 г., стр. 358-362.

2. Письмо П. Б. Струве к С. Л. Франку от 31 марта 1943 г., из Парижа. Приведено в "Истории России", стр. XII.

3. "Из воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве", – "Вестник" Р. С. Х. Д., № 32, II-1954, стр. 13. Этот отрывок из воспоминаний Франка о Струве, вышедших потом отдельной книгой: С. Л. Франк, "Биография П. Б. Струве", Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1956 г. Цитаты тут со стр. 79 книги; подчеркнуто Франком. Подобным же образом характеризует Струве и прот. В. В. Зеньковский: "Хотя Струве не отдавал себя философии целиком, но, думаю, что всегда и во всем он

был философичен, – и в этой его философичности – ключ к его идейной эволюции" ("История русской философии", т. II, стр. 362).

4. "Из воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве", стр. 13; "Биография П. Б. Струве", стр. 78.

5. "Из воспоминаний", стр. 11-12; "Биография П. Б. Струве", стр. 76; курсив мой.

6. Предисловие Струве к брошюре Цурикова о Пушкине, стр. III-IV; курсив мой.

7. Там же, стр. IV.

8. Там же; курсив мой.

9. Словосочетание "волевая идея" навсегда связано с учением и деятельностью проф. И. А. Ильина, одного из единомышленников и соратников Струве в 20-е и 30-е годы. Ильин был редактором-издателем журнала "Русский колокол", носившего подзаголовок "Журнал волевой идеи" (Берлин, 1927-1930).

10. "Из воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве", стр. 14, подчеркнуто Франком; "Биография П. Б. Струве", стр. 79.

11. Протоиерей Сергий Булгаков. Надгробное слово, прочитанное на отпевании П. Б. Струве в Александро-Невском Соборе в Париже 29-16 февраля 1944 года. – В книге: "История России", стр. V.

12. "Ответ г. Пешехонову", "Патриотика", стр. 429.

13. Там же, стр. 435.

14. "На разные темы. Три нападения", – "Русская мысль", 1908 г., декабрь, кн. XII, ч. 2; "Патриотика", стр. 414, подчеркнуто Струве.

15. "На разные темы. К спору о 'Великой России' ", – "Русская мысль", 1908 г., март, кн. III, ч. 2; "Патриотика", стр. 410.

16. Там же.

17. "Статьи о Льве Толстом", Российско-Болгарское книгоиздательство, София, 1921 г., стр. 49; курсив мой. Как указывает Струве, эта его книжка составилась из двух статей: одной, написанной по случаю 80-летия Толстого и напечатанной в августовской книге "Русской мысли" за 1908 г., и другой, написанной под впечатлением смерти Толстого и произнесенной в заседании СПб Религиозно-философского общества, посвященном памяти Толстого. Эта вторая статья была напечатана в декабрьской книге "Русской мысли" за 1910 г. Цитата тут из раздела книжки, озаглавленного "Роковые вопросы".

18. "К спору о 'Великой России' ", "Патриотика", стр. 410; подчеркнуто Струве.

19. Сыновья П. Б. Струве, "Предисловие издателей", – в книге "История России", стр. VII; курсив мой.

20. Там же; курсив мой.

21. См. отрывок "Из письма П. Б. Струве к Х.Х. от 19 ноября 1943 г.", – в книге "История России", стр. 1.

22. "Предисловие" Струве к его книге "История России", стр. 6.

23. "Извлечения из писем П. Б. Струве к С. Л. Франку", письмо от 27.8.1943 г., – в книге "История России", стр. XIII; курсив мой.

24. Пушкин, писал Струве, – "первый и главный учитель для нашего времени, того трудного исторического перегона, на котором одни сами еще больны угаром и чрезмерностью, а другие являются жертвами и попутчиками чужого пьянства и похмелья" (предисловие Струве к брошюре Франка о Пушкине,

стр. 9). Тут Струве почти дословно повторил то, что писал в передовой статье "Именем Пушкина", – "Возрождение", 1926 г., 7 июня, № 370, стр. 1.

25. Слова Струве об историке Соловьеве в ст. "Сергей Михайлович Соловьев", – "Россия и Славянство", 1929 г., 14 декабря, № 55, стр. 5; "История России", стр. 320.

26. "Надгробное слово", "История России", стр. VI.

27. Там же.

ISBN 0-920100-27-9